ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ПРАВОВАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПИТЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ В РОССИИ: ОТ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ДО ПЕТРА I

Варданян А. А.

соискатель кафедры теории и истории государства и права Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, trs-2008@yandex.ru

УДК 34(091)(47)
ББК 67.3(2)51

Цель. Определение соотношения правовой преемственности и правовой новации в государственном регулировании питейной деятельности, являвшейся важнейшим источником бюджетных доходов Московского государства в период второй половины XVII – начала XVIII вв.

Методы. Историко-правовой и сравнительно-правовой анализ опубликованных законодательных источников данного периода времени, характеризующих основные направления государственной политики в сфере регулирования производства и оборота спиртных напитков.

Результаты. Установлено, что основными направлениями питейной политики государства, оформившимися в период Московского государства и получившими законодательное закрепление в статьях Соборного уложения 1649 г., являлись борьба с корчемством (незаконным частным производством и оборотом алкоголя) и регулирование порядка продажи спиртных напитков населению через кабаки двух видов: на вере и на откупе. Обоснована определяющая роль в систематизации питейного законодательства Московского государства указа царя Федора Алексеевича 18 июля 1681 г. Доказано, что, несмотря на переход Петра I с 1698 г. к преобразованиям в разных сферах жизни общества, в его питейной политике возобладала тенденция к правовой преемственности и следованию в основном курсу, разработанному при его непосредственных предшественниках на престоле.

Научная новизна. В статье рассмотрен вопрос правовой преемственности в питейной политике, не нашедший полного освещения в дореволюционной и современной историко-правовой историографии. Раскрытие на конкретном примере питейной политики Московского государства значимости гибкого сочетания в законодательном процессе на этапе перехода к кардинальной реформе традиционного общества преемственности и новизны является дополнительным аргументом в пользу историографической позиции, отрицающей разрыв с прошлым в правовой политике Российской империи.

Ключевые слова: питейная политика, правовая преемственность, Соборное уложение, государственная казна.

© Варданян А. А., 2018

Варданян А. А.

LEGAL CONTINUITY IN THE STATE DRINKING POLICY IN RUSSIA: FROM ALEXEI MIKHAILOVICH TO PETER I

Vardanyn A. A.

post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Ural Institute of Management – Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Yekaterinburg, March 8 str., 66, trs-2008@yandex.ru

Purpose. Determination of the ratio of legal succession and legal innovation in the state regulation of drinking activity, which was the most important source of budget revenues of the Moscow State during the second half of the XVII – early XVIII centuries.

Methods. Historical-legal and comparative legal analysis of published legislative sources of this period of time characterizing the main directions of state policy in the sphere of regulation of production and turnover of alcoholic beverages.

Results. It was established that the main directions of the drinking policy of the state, which took shape during the period of the Moscow State and which were legally fixed in the articles of the Cathedral Code of 1649, were the struggle against rudeness (illegal private production and trafficking in alcohol) and the regulation of the sale of alcoholic beverages to the population through taverns of two kinds: on faith and on redemption. The decisive role in the systematization of the alcohol legislation of the Moscow State by the decree of Tsar Fyodor Alekseevich was substantiated on July 18, 1681. It is proved that, despite the transition of Peter I from 1698 to transformations in various spheres of society, in its drinking policy the tendency to legal succession and following prevailed in the main course, developed with his immediate predecessors on the throne.

Scientific novelty. The article discusses the issue of legal succession in drinking policy, which has not been fully covered in pre-revolutionary and modern historico-legal historiography. Disclosure on the specific example of the drinking policy of the Moscow State the importance of a flexible combination in the legislative process at the stage of transition to a cardinal reform of the traditional society of continuity and novelty is an additional argument in favor of historiographical position denying the gap with the past in the legal policy of the Russian Empire.

Key words: drinking policy, legal continuity, Cathedral code, state treasury.

Эпоха правления Петра I вошла в историю России как время кардинальных перемен, многочисленных реформ, охвативших все сферы жизни общества и государственного устройства, важнейшим результатом проведения которых стало превращение «восточной окраины Европы», как прежде называли в европейских столицах Московию, в одну из ведущих мировых держав – Российскую империю.

Среди петровских преобразований немалое место заняли изменения в правовой сфере. В отличие от своих предшественников на русском престоле Петр I взял курс на внесение изменений в законодательстве за счет заимствований из законодательных систем стран романо-германской правовой семьи, в первую очередь – Швеции [1, с. 444–445]. Поскольку этот курс продолжился и при его преемниках, то в дореволюционной историко-правовой историографии оформилось представление о кардинальном характере поворота в законодательной политике, совершенного при Петре I. Так, например, В. Н. Латкин утверждал, что «характер законодательства императорского периода не имеет ничего общего с характером законодательства Московского государства», новое законодательство, являясь плодом «чисто теоретических соображений отдельных лиц, или же будучи осколком с иностранного законодательства, усвоило себе вполне реформаторский характер» [2, с. 5]. Но в современной историко-правовой историографии столь однозначные оценки не находят поддержки. Не отрицая новаторского характера ряда законодательных решений первого российского императора, вместе с тем российские правоведы отмечают, что Петр I «стремился сохранить преемственность в законодательстве, не отвергал законодательных установлений своих предшественников на российском престоле, но старался обновить их и систематизировать» [3, с. XLIII].

В настоящей статье положение о правовой преемственности в законодательной политике Петра I в сравнении с его непосредственными предшественниками на московском престоле анализируется на примере правовой политики, проводившейся властью на протяжении середины XVII – начала XVIII вв. в сфере

государственного регулирования питейной деятельности (производства и оборота алкогольной продукции).

Значение такой политики для государственной власти определялось бюджетными доходами, которые государство получает, контролируя производство и продажу алкогольных, прежде всего – крепких, напитков, спрос на которые в силу известных причин в любом обществе является достаточно стабильным.

В дореволюционной и в современной российской историографии считается общепризнанным, что еще в конце XV в., осознав важность для государственной казны спиртных доходов, Иван III де-факто ввел государственную винную (питейную) монополию, поддержанию которой следовали все последующие московские правители [4, с. 36; 5, с. 128].

Однако определенные правовые основания для анализа содержания и основных направлений развития законодательства, направленного на государственное регулирование питейной деятельности в Московском государстве, появляются с середины XVII в., когда был создан важнейший законодательный памятник московской эпохи – Соборное уложение 1649 года.

К содержанию этого памятника, конечно, нельзя предъявлять те же требования системности и точности, что к законодательству эпохи Российской империи, так как «в Соборном Уложении впервые чувствуется стремление законодателя сформировать систему норм и классифицировать их по отраслям права, однако это стремление так и осталось попыткой» [6, с. 176].

В тексте Соборного уложения отсутствовали статьи или положения, прямо указывавшие на государственную винную монополию или непосредственно регламентировавшие порядок продажи алкоголя. Но подтверждением внимания, уделяемого властью правовому регулированию питейного дела в стране, служила последняя XXV-я глава Уложения, озаглавленная «Устав о корчмах» и посвященная в основном борьбе с питейным корчемством (ст. 1–10 полностью, ст. 17–20 частично) [7, с. 133–135].

Под корчемством тогдашнее право понимало частное производство и торговлю спиртными напитками, которые препятствовали сосредоточению в руках государства всех доходов от питей. Корчемство являлось преследуемым, но весьма прибыльным видом предпринимательства в Московском государстве, им фактически занимались представители всех сословий.

Правовые нормы, включенные в первые десять статей XXV-й главы Уложения, устанавливали различные виды наказаний (от денежных штрафов до битья кнутом и ссылки в «далние города» с изъятием в пользу государства всего имущества) за конкретные виды корчемства. Законодательное запрещение корчемства косвенным образом подтверждало, что в стране действовала государственная винная монополия.

Из содержания статей 10, 17, 18, 20 также следовало, что судные дела по корчемству относятся к ведомству приказа Новой четверти, из чего вытекало, что именно этот приказ ведал питейным делом. Устанавливался порядок выявления и привода корчемников в приказ. Эти функции возлагались на выбираемых тяглым населением посадов (от каждых десяти дворов) «десяцким». Они должны были «смотрити и беречи накрепко, чтоб корчемного продажного никакова питья, вина, и пива, и меду, и табаку, и неявленного питья, и всякого воровства ни у кого не было» [7, с. 135].

Кроме XXV-й главы меры регулирования питейных вопросов можно встретить и в других главах Уложения, где они были включены в общий ряд действий по обеспечению интересов казны.

Так, в ст. 6 главы IX «О мытах, и о перевозах, и о мостах» упоминались «головы и целовальники», то есть выборные для управления «кабаками на вере» лица из числа посадских людей и крестьян дворцовых сел [7, с. 29]. В главе XVIII «О печатных пошлинах» устанавливался порядок взимания пошлин за приложение печатей к разным актам, среди которых находились и акты об откупах, включая откупы на кабаки. Например, регламентировался такой порядок: «А отдавати таможни, и кабаки, и иные всякие откупы на откуп государевым посадским людем и дворцовых сел и волостным крестьяном, а иным ничьим людем и крестьяном никаких откупов на откуп не отдавати» [7, с. 94].

Таким образом, эти статьи законодательно фиксировали два вида реализации государственной монополии на продажу алкоголя. Кабаки на вере принадлежали непосредственно государству, а управлялись людьми, выбранными местным населением (голова и целовальники), приносившими присягу честного управления и целовавшими в знак этого крест. Они обычно выбирались на год и выполняли свои обязанности безвозмездно. Кабацкие головы находились под начальствованием воевод, которые контролировали их деятельность и отвечали перед Москвой за поступление питейных сборов в казну. Но иногда, видимо, в случае особой потребности государства в деньгах головы назначались самим царем и непосредственно перед ним отчитывались, самолично доставляя питейные сборы в московские приказы [8, с. 140–141].

Кабак на откупе поступал в управление человеку, приобретшему у государства на торгах право на откуп (сумма откупа определялась властью) и выплатившему (сразу или по частям) в казну требуемую сумму. Доходы от продажи питей в таком кабаке шли откупщику, но они часто лишь компенсировали то, что он уплатил в казну, поэтому откупщик был заинтересован в максимальной продаже, приносившей прибыль.

Откупщиками были, как правило, состоятельные люди. Поскольку стоимость откупа была довольно высокая и не всегда находились люди, готовые эту сумму сразу уплатить, постольку один и тот же кабак мог несколько раз быть то на вере, то на откупе [9, с. 478–479].

В целом анализ статей Уложения свидетельствует, что в государственной питейной политике середины XVII в. доминировали два направления: борьба с корчемством и непосредственное регулирование производства и торговли спиртными напитками.

Постоянное внимание, уделяемое властью правовому регулированию этих направлений, подтверждается присутствием значительного количества правовых актов такого содержания в «Новоуказных статьях» (принятое определение московского законодательства 1649–1696 гг.).

Формы и методы борьбы с корчемством, включенные в эти статьи, не претерпевали изменений, оставаясь по-прежнему ориентированными на суровость, даже жестокость наказаний, выносимых корчемникам и потребителям их продукции. Но в сфере регулировании питейной продажи власть была вынуждена прибегнуть к ряду изменений, что отразило спонтанный поиск наиболее эффективных способов обеспечения казенных государственных интересов.

Многочисленные злоупотребления со стороны откупщиков, стремившихся в первую очередь к увеличению собственных доходов, ударяли по интересам казны и одновременно вызывали недовольство населения. Они в своей совокупности послужили источником появления именного указа царя Алексея Михайловича (11 августа 1652 г.), согласно которому кабаки были заменены «кружечными дворами». Указ предписал «во всех городах на кружечных дворах денежную казну сбирать на вере, а на откупу кабакам нигде не быть; и во всех городах и государевых больших селах быть по одному кружечному двору, а в меньших малолюдных селах кружечным дворам не быть». 9 сентября 1652 г. был издан новый именной указ, направленный на ликвидацию частновладельческих винокурен и кабаков. Он подтвердил, что кружечные дворы могут быть только в городах и дворцовых селах, а «в поместьях и вотчинах, и по дорогам, кабакам и кружечным дворам и вину продажному ни где не быть» [10, № 72, с. 262; № 82, с. 271].

Фактически тем самым была проведена своего рода «питейная реформа», преследовавшая исключительно финансовые цели, так как кружечные дворы представляли собой казенные питейные заведения, все доходы с которых поступали в царскую казну. Это была попытка, устранив промежуточные звенья в лице откупщиков и полностью подчинив процесс производства и продажи наиболее прибыльного – водочного – сегмента алкогольной продукции власти, повысить собираемость и объем питейных доходов, поступающих в государственную казну.

Ту же цель преследовало устранение конкурента казенной питейной торговли – винокурен, действовавших в монастырских и церковных землях. Царским указом октября 1660 г. устанавливалось, чтобы живущие в монастырских вотчинах «служки и старосты и крестьяне», а на церковных землях – «попы и дьяконы», «вин не курили и судов не держали, чтоб мимо кружечных дворов продажного питья отнюдь не было и от того б Великого Государя казне порухи не чинилось и корчма и всякое дурно не множилось» [11, № 118, с. 164].

Изменения, происходившие в питейной политике государства, вызывались обычно ростом потребности в финансовых средствах, особенно в связи с войной. Так, например, трудности, испытанные в ходе затяжной русско-польской войны, побудили власть летом 1663 г. в питейной политике «дать задний ход» и вернуть откупную систему [10, № 340, с. 579].

Новое возвращение и даже расширение сферы действия откупной системы показало, что в регулировании питейной деятельности власть была обречена «ходить по кругу», комбинируя два основных вида торговой реализации винной монополии – через кабаки на вере и на откупе.

Каждый из них имел для государства свои достоинства и недостатки, но они не могли ни по отдельности, ни вместе обеспечить, во-первых, полное поступление всех средств, полученных от винной торговли, в казну в силу нарушений и злоупотреблений, имевших место в кружечных дворах, во-вторых, полностью вытеснить корчемство, которое при всех рисках, угрожавших лицам, им занимавшимся, оставалось прибыльным делом. Изготавливая, как правило, вино низшего качества, корчемники могли и продавать его ниже указных цен кружечных дворов, тем самым отбирая у последних, а, значит, и у казны питейные доходы. Тем более, что государство, поднимая указные цены, лишь еще более стимулировало корчемство.

Существенные изменения питейная политика Московского государства претерпела в правление вступившего на престол в начале 1676 г. царя Федора Алексеевича.

Одним из первых его правовых актов (17 мая 1676 г.) явилось изъятие из подчинения воеводам «кабацких голов и целовальников в денежных сборах», что должно было повысить ответственность руководителей кружечных дворов на вере за то, чтобы «денежную казну сбирать с великим радением неоплошно». В следующем году царским указом были отменены все кружечные дворы (как по вере, так и по откупу), созданные в малых селах, расположенных вблизи городов, а также запрещено использование винных откупов

в больших дворцовых селах [12, № 642, с. 34–35; № 714, с. 149]. В известной мере это новое движение в сторону отказа от откупной системы не только учитывало казенные интересы, но и являлось реакцией на недовольство населения, связанное с фальсификацией откупщиками продаваемой продукции.

Другие правовые меры позволили реформировать управление питейными сборами. На смену девяти приказам, в число функций которых входил сбор питейных доходов, пришел одни приказ Большой казны (22 мая 1680 г.) [12, № 824, с. 267–268].

По завершению очередной тяжелой войны с Турцией (1677–1681 гг.), заставлявшей власть ради пополнения казны сохранять правовой порядок неизменным, последовал ряд новых указов царя Федора Алексеевича, направленных на возвращение в организации питейного дела в России к решениям 1652 г. Эти указы в правовом отношении сформировали законодательную базу, которую в 1698 г. унаследовал, приступая к своим реформам, Петр I.

Первый из этого ряда царский указ 25 января 1681 г. запретил откупа в Подмосковье, а для казенных кружечных дворов Московского уезда ввел продажу вина строго по установленной государством цене, соответствующей цене, по которой вино отпускалось с московского отдаточного двора [12, № 859, с. 295–297]. Затем 6 марта патриарх, следуя указу царя, разослал запрет на винокурение «духовным властям, монастырям и духовным чинам» с тем, чтобы впредь вино покупалось ими только на кружечных дворах [12, № 862, с. 304].

Однако ключевую роль в завершении формирования законодательных основ питейной политики московского самодержавия сыграл «Именной с боярским приговором» указ Федора Алексеевича «О продаже питей» от 18 июля 1681 г., состоявший из преамбулы и тридцати пронумерованных статей [12, № 879, с. 332–340]. В сущности, его можно оценить как своего рода свод норм московского питейного права XVII века.

В преамбуле содержалось основополагающее для всего документа положение: «на Москве и в городах и в уездах кружечным дворам, которые напредь сего построены и вновь где построить доведется, быть всем на вере, а откупу отнюдь ни где кружечным дворам не быть». В тридцати статьях указа конкретизировались нормы, определявшие различные аспекты реализации государственной винной монополии через кружечные дворы на вере.

В отличие от Соборного уложения указ такую монополию признавал и официально санкционировал. Об этом свидетельствовала ст. 17, гласившая: «А опричь кружечных дворов, продажного вина и пива и меду ни кому не держать и не продавать». Кружечные дворы на вере становились единственной разрешенной властью формой продажи питей, что вытекало из ст. 15, предписывавшей «свести и вновь не заводить» кружечные дворы в поместьях и вотчинах. Но вместе с тем сохранялось право привилегированных слоев общества производить эти напитки для домашних потребностей: «а курить помещикам и вотчинникам вино про себя на своих поварнях или у себя на дворах, сколько кому на свои домовые расходы понадобится» (ст. 20).

Указ обязывал всех остальных подданных царя покупать вино для своих нужд только на кружечных дворах; подробно регламентировался порядок выбора местным населением голов и целовальников в Москве и во всех остальных городах; регламентировались продажные цены на вино в Москве и в других городах, запрещалось продавать его иначе, чем за деньги и по цене ниже установленной государством. Несколько статей были посвящены наказаниям за нарушения питейного законодательства (телесные наказания, ссылка и конфискация движимого и недвижимого имущества).

Структура и содержание указа 18 июля 1681 г. доказывают, что в нем были сформулированы правовые основания целостной системы государственного регулирования производства и оборота питей в Московском государстве. Питейная монополия получила законодательное оформление в качестве исключительного права (регалии) государства, как в целом, так и в составляющих ее звеньях: производство (казенное и подрядное), оборот (кружечные дворы на вере) и управление (в центре – Приказ Большой казны, на местах – головы кружечных дворов).

За два десятилетия, отделившие правление Федора Алексеевича от начала преобразований Петра I, никаких существенных изменений в законодательной базе государственного регулирования питейного дела, созданной указом 18 июля 1681 г., не произошло.

Петр I унаследовал от своих предшественников питейное законодательство, ориентированное на решение двух основных задач, – уничтожение корчемства или хотя бы максимальное ограничение его размеров и обеспечение бесперебойных и увеличивающихся поступлений питейных доходов в казну. Оба этих направления государственного регулирования питейного дела носили объективный характер, поскольку вне их осуществления невозможно было обеспечить сохранение и успешное (с точки зрения власти) функционирование созданной в предыдущие века Московской Руси винной монополии государства.

Именно объективные потребности государства предопределяли поле возможностей, в котором должен был действовать Петр I. Это доказывают первые шаги в данной сфере, предпринятые царем после его возвращения в конце лета 1698 г. из зарубежной поездки после известий о стрелецком бунте.

Царь прекрасно сознавал важность сохранения контроля над питейной деятельностью в стране и не

упускал ее из виду. Об этом красноречиво свидетельствует издание в дни, когда продолжалось расследование бунта и шли казни стрельцов, специального царского Наказа новому «голове» (главе) Московского оптового кружечного двора «о сборе денежной казны». В этом документе подробно регламентировались: порядок передачи дел новому голове от прежнего головы; организация всей последующей работы двора по приему у винных подрядчиков вина и его последующей оптовой продаже в казенные кружечные дворы, занимавшиеся розничной продажей [13, №1642, с. 468–473].

Последующие «питейные» царские указы и наказы 1698–1700 гг. демонстрировали очевидное стремление сохранять прежний курс.

Так, например, одни, исходившие от Петра правовые акты, содержали строжайшие указания местным властям, а также и армейским командирам всемерно предотвращать и искоренять корчемство [13, №1650, с. 488; №1670, с. 539; №1689, с. 633–636; №1716, с. 667–668], другие – детализировали цены на продаваемые спиртные напитки, условия их продажи, порядок взимания пошлин за ввозимое из-за границы вино [13, №1677, с. 602; №1700, с. 648–649; 14, №1768, с. 15].

Сопоставление содержания этих указов Петра I с доставшимся ему «правовым наследством» в питейном деле от царя Федора Алексеевича не обнаруживает каких-либо принципиальных изменений с точки зрения форм реализации двух основных направлений государственной политики в этой сфере.

Первые правовые новации в регулировании питейного дела были ориентированы не на изменение форм организации продажи питей населению, а на улучшение управления получаемыми казной доходами.

Решению этой задачи было подчинено содержание изданных Петром I двух взаимосвязанных именных указов: об учреждении Бурмистрской Палаты (она размещалась в Москве) и об учреждении Земских изб в городах [13, №1674, с. 598–600; №1675, с. 600–601]. Согласно первому указу, Бурмистрская Палата создавалась «для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадскими людьми», согласно второму, Земские избы – «для ведомства всяких расправных дел между торговыми и посадскими людьми». Общим для обоих указов было, во-первых, определение главного назначения новых учреждений как «управления казенными сборами и градскими повинностями», куда входили питейные сборы; во-вторых, исключение гостей, торговых и посадских людей «из ведомства воевод и приказов».

Тем самым питейные (и иные казенные сборы) в масштабах всей страны перешли из Приказа Большой казны в ведомство московской Бурмистрской Палаты, а в отдельных городах – к бурмистрам («кабацким бурмистрам») в составе Земской избы. Московская Бурмистрская палата (позднее переименованная в Ратушу), в подчинении которой находились местные Земские избы, оставалась до губернской реформы 1708 г. центральным органом управления питейными (и другими казенными) сборами.

Составы Бурмистрской палаты и Земских изб избирались местным населением. В правовом отношении, как отмечал Д. А. Толстой, «эта перемена в органах управления не повлекла за собой изменений в обязанностях прежних кабацких голов, но сохранила, напротив, права прежних кабацких голов, которые, будучи освобождены по делам их звания от всякой зависимости от наместников, подчинялись единственно учрежденной тогда же в Москве Бурмистерской палате» [8, с. 146].

Оценивая эту петровскую реформу управления питейными сборами как составную часть общей реформы управления казенными сборами, можно обнаружить в ней черты и правовой новизны, и правовой преемственности. Показателями новизны можно считать освобождение выборных лиц, отвечавших за питейные сборы, от власти воевод и прямое подчинение их власти выборного учреждения – Бурмистрской Палаты, то есть законодательное возложение ответственности за питейные сборы на органы городского (местного) самоуправления. Преемственность прослеживается в законодательном подтверждении основной предназначенности этих органов – обеспечение на местном уровне общих финансовых интересов государства: в данном случае – через постоянное увеличение поступлений в государственную казну питейных сборов.

Решение последней задачи приобрело особенную значимость для власти в условиях роста расходов на участие России в Северной войне. В результате произошло возвращение Петра I, неудовлетворенного объемом питейных сборов, получаемых от существующей системы казенной продажи, к системе откупов.

12 июня 1705 г. последовал царский указ об отдаче питейных (как и других сборов) на откуп тем, кто будет обещать полностью все сборы предоставлять в казну, а «иные давать станут сверх оклада довольные деньги… и писать их при тех сборах бурмистрами». Обязательными условиями предоставления откупов были наибольшая цена, представленная претендентами на торгах, и соблюдение в торговле цен, равных ценам в казенных кружечных дворах [14, №2059, с. 309]. Важным, позднее дополненным условием получения откупов, кроме поддержания равных цен с казенными кружечными дворами, был запрет откупщикам самим курить вино или покупать его по подряду, они должны были покупать его оптом у государства с отдаточных дворов [14, №2203, с. 412–415].

Финансовую выгоду в возрождении откупов власть увидела в том, что для компенсации

оплаченной стоимости откупа и для получения прибыли, без которой было бессмысленно брать откуп, откупщики, вынужденные покупать у государства вино и продавать его по указной цене, тем самым стимулировались на максимальные объемы продажи вина, поскольку конкурировать ценой они не могли. Прибыль откупщики сохраняли, но были обязаны сообщать «без утайки» ее размер в Ратушу, что позволяло власти следующий откуп увеличить в размерах с учетом реальной стоимости всего проданного откупщиком вина.

Преобладание правовой преемственности в питейной политике первых лет правления Петра I также прослеживалось и в борьбе с корчемством. В этой борьбе у власти не было другого выхода, кроме как следовать линии ужесточения наказаний, поскольку материальная выгода перевешивала в глазах корчемников опасность быть разоблаченными и наказанными.

В указе от 15 сентября 1705 г. «О наказании и пенях за корчемство питьями, и о награждении доносителей за открытие корчемников» власть была вынуждена признать фактическую неискоренимость корчемства: «многими Их Великих Государей указами то корчемство запрещено, а истребиться и доселе не может». В качестве относительно новой меры, способной усилить борьбу с корчемством, были увеличены материальные стимулы для доносителей о корчемстве. В случае правильности доноса полагалось вознаграждать доносителей четвертой частью поместий или вотчин и всех пожитков, конфискуемых у виновных в корчемстве, а несвободных или наемных людей – свободой. У тех же, кто, зная о корчемниках, не донесет власти, и это откроется, в пользу государства теперь должна была отходить половина поместий или вотчин и всех их пожитков (четверть из этой половины получал доноситель). Кабацким и земским бурмистрам, покрывающим корчемников, указ грозил конфискацией имущества и ссылкой на вечную каторгу. Тем же, кто ранее был повинен в корчемства или покупке у корчемников вина, в случае доноса на других корчемников указ обещал прощение за прежний проступок [14, №2074, с. 317–322].

Таким образом, подводя итог проведенному анализу российского питейного законодательства второй половины XVII – начала XVIII вв., следует заключить, что оно развивалось как достаточно гибкое взаимодействие правовых норм, унаследованных от Московского государства, и новых правовых норм, отражавших начало преобразовательной деятельности Петра I.

Конкретизируя выявленные в статье тенденции сочетания правовой преемственности и правовой новации в законодательном обеспечении питейной политики, следует указать, прежде всего, на последовательность следования власти принципу государственной винной монополии и курсу на правовое обеспечение двух основных средств сохранения таковой монополии: борьбы с корчемством и управления поступлением питейных доходов в государственную казну. Преемственность была присуща методам, использовавшимся государством в борьбе с корчемством, формам организации винной торговли и питейных сборов. Возвращение к откупной системе, ликвидированной при царе Федоре Алексеевиче, вряд ли можно считать новшеством, поскольку откупа были хорошо известной в Московском государстве практикой.

Вместе с тем по мере развития петровских преобразований в регулировании питейного дела неизбежно должно было увеличиваться количество правовых новаций. Они, прежде всего, обнаруживаются в создании Московской Ратуши как органа, заменившего Приказ Большой казны в деле централизации питейных сборов, и в формировании системы выборных кабацких и земских бурмистров, отвечавших на местах за сбор питейных доходов.

Последующие годы правления Петра I подтвердили обе тенденции в правовом регулировании питейной деятельности в стране, но при некотором уменьшении влияния правовой преемственности.

Литература:

1. *Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. 488 с.
2. *Латкин В. Н.* Лекции по истории русского права периода империи (XVIII и XIX в.). СПб.: Литогр. Д. М. Руднева, 1893. 666 с.
3. *Томсинов В. А.* «Всем до́лжно хранить интерес государев и государственной»: Петр I как законодатель» / Законодательство Петра I. 1696–1725 годы. М.: Зерцало, 2014. С. XVIII–XLVII.
4. *Гредингер М.* Основы питейной монополии в России. Изд. 2-е, доп. и пересмотр. Пернов: Изд. кн. маг. Э. Трейфельдта, 1897. 139 с.

References:

1. *Serov D. O.* Judicial reform of Peter I: Historical and legal study. M.: Zerczalo-M, 2009. 488 p.
2. *Latkin V. N.* Lectures on the history of Russian law during the period of the empire (XVIII and XIX centuries). SPb.: Lithographer. D. M. Rudneva, 1893. 666 p.
3. *Tomsinov V. A.* «Everybody should keep the interest of the sovereigns and the state»: Peter I as a legislator» // Legislation of Peter I. 1696–1725. M.: Zerczalo, 2014. P. XVIII–XLVII.
4. *Gredinger M.* Foundations of a drinking monopoly in Russia. Ed. 2 nd, ext. and revision. Pernov: Ed. book. mag. E. Treyfeldt, 1897. 139 p.

Литература:

5. *Похлёбкин В. В.* История водки (IX-XX вв.). М.: Интер-Версо, 1991. 288 с.
6. *Исаев И. А.* История государства и права России: Учебник. М.: Юристъ, 2004. 797 с.
7. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.
8. *Толстой Д. А.* История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1848. VII, 258, IV с.
9. *Дитятин И. И.* Царский кабак Московского государства // Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб.: Паровая скоропеч. А. Пороховщикова, 1895. С. 468–496.
10. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. I. С 1649 по 1675. XXXI, 1041 с.
11. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. IV. 1645–1700. 654 с.
12. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. II. 1676–1688. 976 с.
13. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. III. 1689–1699. 690 с.
14. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. IV. 1700–1712. 884 с.

References:

5. *Pohlebkin V. V.* History of vodka (IX-XX centuries.). M.: Inter-Verso, 1991. 288 p.
6. *Isaev I. A.* History of the State and Law of Russia: A Textbook. 3rd ed., Revised. and additional. M.: Lawyer, 2004. 797 p.
7. The Cathedral Code of 1649. Text. Comments. L .: Nauka, 1987. 448 p.
8. *Tolstoy D. A.* The history of financial institutions in Russia since the founding of the state until the death of Empress Catherine II. SPb.: Tip. K. Zhernakov, 1848. VII, 258, IV p.
9. *Dityatin I. I.* Tsar's tavern of the Moscow State // Dityatin I. I. Articles on the history of Russian law. SPb.: Steam skoropech. A. Porokhovshchikova, 1895. P. 468–496.
10. The Complete collection of laws of the Russian Empire, by the decree of Emperor Nicholas Pavlovich composed. The first collection. From 1649 to 12 December 1825. SPb.: Typ. Second Division of Own EIW. Office, 1830. T. I. From 1649 to 1675. XXXI, 1041 p.
11. Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences. SPb.: Typ. Second Division of Own EIW. Office, 1836. T. IV. 1645–1700. 654 p.
12. The Complete collection of laws of the Russian Empire, by the decree of Emperor Nicholas Pavlovich composed. The first collection. From 1649 to 12 December 1825. SPb.: Typ. Second Division of Own EIW. Office, 1830. T. II. 1676–1688. 976 p.
13. The Complete collection of laws of the Russian Empire, by the decree of Emperor Nicholas Pavlovich composed. The first collection. From 1649 to 12 December 1825. SPb.: Typ. Second Division of Own EIW. Office, 1830. T. III. 1689–1699. 690 p.
14. The Complete collection of laws of the Russian Empire, by the decree of Emperor Nicholas Pavlovich composed. The first collection. From 1649 to 12 December 1825. SPb.: Typ. Second Division of Own EIW. Office, 1830. T. IV. 1700–1712. 884 p.